

18+

Илья Журбинский
**Время
майских жуков**

Илья Дидевич Журбинский

Время майских жуков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72455593

ISBN 9785006792029

Аннотация

В прозе поэта Ильи Журбинского сразу с первых же строчек появляется атмосфера происходящего, сотканная из тонких нитей поэтической ткани. Его рассказы, мемуары, эссе, опубликованные в центральных литературных изданиях по обе стороны Атлантики, стали неотъемлемой частью современной литературной палитры.

Содержание

Илья Журбинский	Время майских жуков	5
Книга публикуется в авторской редакции и вёрстке		6
Все права защищены		7
Светлой памяти моих родителей Сары и Диди Журбинских		8
Отзывы литературоведов о прозе Ильи Журбинского		9
Кудос Илье Журбинскому		10
Пистолет и плитка шоколада		13
Сколько время?		17
Время майских жуков		22
Шёпот из 3-го «Б»		30
Печатная машинка		34
Единица по рисованию		40
Абрики		46
Лепестки восьмого марта		51
Гамбит холодильщика		58
Экзамен по английскому		67
Конец ознакомительного фрагмента.		68

Время майских жуков

Илья Дидевич Журбинский

© Илья Дидевич Журбинский, 2025

ISBN 978-5-0067-9202-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Журбинский
Время майских жуков

**Книга публикуется в авторской
редакции и вёрстке
© Илья Журбинский, 2025**

Все права защищены

**Светлой памяти моих
родителей Сары
и Диди Журбинских**

Отзывы литературоведов о прозе Ильи Журбинского

«Илья Журбинский из тех, кто пишет русскую литературу как всемирную», – отмечала литературный критик Ольга Балла.

Поэт и прозаик Михаил Квадратов подчёркивал: *«У Ильи Журбинского фотографическая память... проза практически документальная, но сделанная по высоким художественным канонам».*

«Илья Журбинский – замечательный писатель! Просто замечательный! Всем его рекомендую» – говорил поэт и литературовед Евгений Степанов.

«Талантливо! Новый свой голос, который не забывается. И ещё редкая свобода и непосредственность!» – писала поэт и искусствовед Зоя Межирова.

Кудос Илье Журбинскому

В русской изящной словесности Илья Журбинский — многостаночник. Мне крупно свезло — я открывал этого замечательного писателя постепенно.

Знакомство с ним я начал с его маразмиад — жанра, коего он основоположник. Остряк, остроумец, ироник и забавник, а лучшие из его маразмиад с подтекстом, который и отличает настоящую литературу.

Потом пришла пора его лирики с философическим уклоном. Скорее вопросительная, чем повелительная, а тем более императивная. С импрессионистической недосказанностью, с семантическими отточиями, с вопросами к самому себе и мирозданию.

Сказалось здесь, наверное, влияние Александра Межирова с его медитативно-парадоксальной поэзией. Не то чтобы учитель, скорее старший друг, с которым Илья Журбинский познакомился и подружился на заре своей иммигрантской жизни.

Замечательно, что оба-два высоко ценили эту дружбу. Именно дружба, а не зависимость друг от друга. Знаю по себе, какой Александр Петрович был прекрасный человек и поэт — с наших первых встреч ещё в России. В Ленинграде я вёл их сдвоенный вечер с Женей Евтушенко. Это был своего рода поэтический турнир, в котором безусловным побе-

дителем вышел Межиров.

Дружба с Александром Петровичем сказалась в становлении молодого поэта, хотя начинал Илья Журбинский ещё на нашей географической родине, где печатался и даже выпустил тиражом 100 тысяч экземпляров прозаическую книгу о грибах, хотя в ней много настоящей поэзии. И то правда, что это была научно-популярная проза. А теперь о художественной прозе.

Лично для меня это было третье открытие: Илья Журбинский-прозаик.

Его элегантная проза тем ещё хороша, что никогда не опускается до сатиры потому хотя бы, что эти смешные и смешливые юморески я бы отнёс не к юмору, а бери выше – к иронии. Будучи иронического склада, проза Ильи Журбинского ещё и самоиронична, и рассказчик (пусть так, авторский персонаж, хоть и не один в один с автором) вызывает сочувственную улыбку, как и остальные его герои – недотёпы и мишугине. Это, конечно, театр абсурда, па-че действие происходит на родине автора или через океан, но опять же с соотчиками, даже если в их квадратуру круга затесался иностранец, вынужденно подчинённый правилам игры полупьяной кампании:

«Россия — загадочная страна, – подумал Джордж. – Сначала, вроде бы, все ясно, а потом – в тумане».

Искусный сюжетоплёт и утончённый ироник, Илья Журбинский берет читателя в оборот и не отпускает до по-

следней точки – не оторваться. Краткость в обнимку с точностью и прозрачностью. Неожиданные сюжетные колена. Трогательно, смешно, изящно, стильно. Структурно, наконец: автор – мастер. Критику не к чему придраться.

Даже такому придире, как я.

Владимир Соловьёв-американский — русско-американский писатель, эссеист и критик; автор более полусотни книг, изданных на 12 языках в 13 странах.

Пистолет и плитка шоколада

Мне было лет семь, когда врачи решили, что причиной моих частых простуд являются полипы, произрастающие в носу, и было принято окончательное, не подлежащее обжалованию решение — полипы вырвать. Поскольку к этому возрасту я уже имел опыт вырывания зуба, слово «вырвать» звучало для меня зловеще. К тому же эту операцию должны были делать не в какой-то там районной поликлинике, а в детской больнице, где я никогда до этого не был.

Моей двоюродной сестре Нине, которая старше меня на четыре года, недавно вырезали гланды. А потом ей дали много мороженого, чтобы горло не нагревалось. А может быть, мороженое ей дали до операции, чтобы гланды не нагревались. Я не запомнил точно, но это и неважно. Мороженое — это мороженое, что до операции, что после. И мороженого дали много.

А мне вот должны были удалять полипы или, как красиво называл их доктор, «аденоиды», и не вырезать ножиком, а рвать, как рвут зубы, только не изо рта, а из носа. А нос же не откроешь широко, как ни старайся.

Я отчаянно трусил и категорически не соглашался на операцию. Но папа пообещал, что после операции купит мне плитку шоколада или игрушечный пистолет.

Пистолет мне был просто необходим. В детский сад я

не ходил, а в школу должен был пойти только осенью. На полянке, что через дорогу, я играл с соседскими девчонками, и ни у кого из них пистолета не было. Настоящий игрушечный пистолет очень помог бы мне выделиться среди девчончьей компании.

А с другой стороны — плитка шоколада. Я, правда, толком не понимал, что это такое. На Новый год и на 1-е мая папа приносил мне с работы профсоюзный подарок: маленький целлофановый мешочек с конфетами, в котором обычно была и оранжевая мандаринка. И в этом мешочке обязательно была шоколадка. Но она была маленькая, не больше конфеты. А тут — целая плитка!

Плиток у нас дома было две: одна газовая на две конфорки, а другая — поменьше, электрическая. Ею мы пользовались, когда газ в баллоне заканчивался, а новый баллон ещё не привезли, или когда зимой газ замерзал, потому что баллон находился на улице в специальном железном ящике. Впрочем, иногда зимой и электрическая плитка не работала, оттого что из-за сильного ветра и снега провода в нашем переулке обрывались. В такую непогоду обычно и водопровод замерзал, и мы с мамой шли за водой к колодцу, который был в десяти минутах ходьбы, под старой шелковицей.

Когда я был маленьким, у нас водопровода вообще не было, и мы ходили по воду каждый день, и зимой, и летом. Но летом, конечно, было интересней. Мама сажала меня на шелковицу, и пока доходила наша очередь, и мама напол-

няла два эмалированных ведра, я рвал и ел чёрные и красные ягоды; их сок лился по щекам, подбородку и шее, и капал мне на майку. Я торопился, потому что боялся, что гусеница упадёт мне за шиворот и ещё, если честно, я боялся упасть с дерева. Бояться было стыдно, и я перелезал с ветки на ветку, чтобы все думали, что я не боюсь.

Но это было летом, а зимой ягоды не росли, и вода, выплёскивающаяся из вёдер, сразу становилась льдом. Но зато, если хорошо разбежаться, можно было прокатиться по утрамбованному снегу на ногах, хотя мама и ругала меня за то, что я порчу ботинки.

Когда мы возвращались домой, мама ставила вёдра на табуретки на кухне, а я снимал промокшие носки и вешал их сушиться возле печки.

Я любил эти зимние приключения, и, когда мама зажигала закопчённую керосиновую лампу, я представлял себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове. Только на острове было жарко, а у нас скорее холодно, но если прислониться спиной к кафельной печке, то не очень.

Так вот, эта плитка шоколада. Будет она размером в газовую на две конфорки или поменьше, как электрическая? Мы всегда делили конфеты на пятерых: мне, сёстрам, которые на шесть и восемь лет старше меня, и папе с мамой. Но даже если плитка будет поменьше, как электрическая, и на пятерых, то всё равно получается много. Можно есть целый год.

А с другой стороны, всё равно, рано или поздно эта плитка

закончится, а вот с пистолетом можно играть всю жизнь. Мда, вот это была проблема!

Я чувствовал, как от этих мыслей голова моя тяжелеет и клонится книзу, а глаза слипаются. Засыпая, я всё ещё пытался решить, что же мне выбрать. Мне снились Робинзон Крузо и Пятница, которые, обливаясь потом, с трудом тащили громадную плитку шоколада в свою хижину. На боку у Робинзона болтался пистолет в кобуре.

Сколько время?

— Дядя, сколько время? — спросил я дяденьку в соломенной шляпе.

— А сколько тебе надо, мальчик?

Опять я попался. Сколько сёстры меня учили, что нужно спрашивать: «Который час?», а я снова забыл.

Мама оставила меня в парикмахерской и ушла «на пять минут». Я стоял под палящим солнцем и прикидывал, чем бы заняться.

— Так сколько тебе надо, мальчик? — насмешливо переспросил дяденька в соломенной шляпе.

— Нисколько, — гордо ответил я и отвернул от него мою подстриженную «под бобрик» голову, на которой из волос остался один чубчик.

— Ты — грубый мальчик, — обиженно сказала соломенная шляпа. — Твой папа, что, работает извозчиком?

Я не знал кто такой извозчик, но понял, что это обидно.

Я поджал губу и ответил:

— Мой папа работает на радио.

— Когда увидишь его, скажи, что у него грубый сын.

«И чего он ко мне привязался», — разозлился я и отошёл к автобусной остановке, где мы с мамой должны были сесть на «восьмёрку». Рядом рабочие устанавливали высокий железобетонный столб. В следующем году к нам должны были

пустить троллейбус, а пока по Котовскому шоссе проезжали только машины, автобусы и иногда повозки.

Шоссе, как объяснила мне мама, это французское слово, обозначающее дорогу с твёрдым покрытием. У нас, в первом классе, некоторые ребята почему-то вместо шоссе, говорили «сошэ» или «сошэйка».

Витька сказал, что троллейбус ни за что не сможет подняться к нам, потому что гора длинная и крутая, и у троллейбуса не хватит электричества, чтобы её осилить.

– Ты подумай, шофёры на грузовиках, когда заезжают на нашу сошейку, открывают свою дверь и одной ногой жмут на газ, а другой становятся на подножку, чтобы машине было легче. А в троллейбусах со стороны водителя даже двери нет, как же троллейбус в гору такую поедет?

– Но подводы же в гору едут, а троллейбус сильнее лошади, — пытался возражать я.

– Ну, сравнил, — не соглашался Витька. — Сколько человек на той подводе, а сколько в троллейбусе!

Мама всё не приходила, и я решил поискать её на базарчике, который был как раз напротив остановки. Базарчиком это место называла мама, а на самом деле над воротами висела надпись: «Колхозный рынок».

Я открыл калитку и увидел несколько рядов деревянных столов, на которых лежали красные пучки редиски с белыми хвостиками, перевязанный суровой ниткой зелёный лук, горки душистой клубники и моя любимая первая черешня.

В дальнем углу стояли несколько повозок, запряжённых лошадьми, и одна, запряжённая волами.

Первый раз я увидел волов, когда мне было около двух лет. Я никак не мог понять, что это за животные: на вид, как коровы, а везут повозку, как лошади, и в конце концов решил, что это «коровяные лошадки».

Волов я побаивался, а вот лошадей — нет. Можно было поднять сено, которое валялось около повозок, и угостить конягу. Они осторожно брали еду прямо с ладони шершавым языком.

Я обошёл весь базарчик, но мамы нигде не было. Зато я нашёл двухкопеечную монетку и теперь думал, что с ней делать.

Можно было позвонить папе на работу из телефона-автомата. Но что я ему скажу? Что мама потерялась, или что дяденька в шляпе просил передать ему, что у него грубый сын? Он не обрадуется ни тому, ни другому.

Можно было выпить газировки. Но с сиропом стоит три копейки, а у меня только две. А без сиропа — любят только взрослые.

Ещё можно было купить два коробка спичек, чтобы разжигать костры на нашей полянке. Но спички в магазине мне почему-то не хотели продавать.

Витька рассказывал, что за две копейки можно купить пульку в тире, но я пока не умел стрелять из настоящего ружья, а самое главное, не знал где тир.

Ещё Витька рассказывал, что когда-то за пять копеек можно было купить корову. Интересно, а за сколько копеек можно купить вола? Вот подойду сейчас и скажу: «Дяденька, продайте мне вола за две копейки». Но он, наверное, не согласится — как же он свой груз с базарчика отвозить будет.

А было бы здорово! Приходит папа с работы, а у нас во дворе вол стоит. Папа с удивлением спрашивает: «Откуда он взялся?». А я так небрежно отвечаю: «Это — Нолик. Если тебе нужно что-нибудь тяжёлое отвести на работу, можешь взять».

Но где же всё-таки мама? Я подошёл к тётеньке, которая торговала картошкой:

– Вы не скажете, сколько время?

Она посмотрела на меня недобро и передразнила:

– Сколько вг'емя?

Я глотал воздух и не знал, как поступить. Папа учил меня, что, если кто-нибудь будет дразнить, сразу бить по морде, даже если хулиган большой и сильный. Но это же взрослая тётя. Что же мне делать?

Самое главное — не заплакать. Я посмотрел на лошадей и волов. Они кивали мне головами и говорили на своём языке: «Не бойся!»

Я ещё раз глубоко вздохнул и крикнул: «Дура!», потом схватил картофелину и запустил в неё.

Тётка явно не ожидала отпора с моей стороны, и я побегал, что есть сил, к калитке и выскочил на улицу. Я догады-

вался, что она не будет за мной гнаться, оставив свой товар на столе, но всё равно мне было не по себе, и я решил спрятаться в парикмахерской.

И тут из дверей парикмахерской вышла мама и бросилась ко мне:

– Куда ты пропал? Я же сказала тебе никуда не уходить!

Я ткнулся в её колени, заплакал и спросил:

– Мама, сколько время?

Время майских жуков

Не знаю, как у вас, а у меня любимый месяц — май. Во-первых, в мае мой день рождения. Во-вторых, в мае появляется первая черешня. И, наконец, в мае прилетают майские жуки.

Раньше, когда я был маленьким, я проводил на полянке, что через дорогу, почти весь день, охотясь за кузнечиками, бабочками и жуками. Прошлой осенью я пошёл в первый класс, и свободного времени у меня стало меньше, но в конце мая начнутся летние каникулы, и я опять смогу играть на полянке весь день.

Вы только не подумайте, что я не люблю ходить в школу. Мне просто не нравится рано вставать, особенно зимой. Идёшь по улице, а ещё темно, фонари горят. А вот моя подруга Авридка, которая живёт в соседнем доме и ходит во второй класс, учится во вторую смену и утром может рано не вставать. Зато, когда она идёт на занятия, я уже возвращаюсь и могу играть до самого вечера. А когда она возвращается, уже темно.

Когда первая смена идёт домой и встречается со второй, которая идёт в школу, всегда случается что-то забавное. Они смеются над тем, что мы одеты в пальто и тёплые шапки, потому что к тому времени уже совсем не холодно. А нам смешно, что мы уже идём домой, а они только в школу со-

брались.

Но это — зимой, а сейчас наступил май — мой любимый месяц. Вы, наверное, удивитесь: ну что хорошего может быть в начале мая, ведь каникулы ещё даже не начались? Может, вы и правы, но мне очень нравится, когда цветут яблони и акации, а на маминой клумбе зацветают тюльпаны: красные, бледно-розовые и жёлтые. Пчёлам и бабочкам это, наверное, тоже очень нравится, потому что их становится всё больше и больше.

В это время появляется первая черешня. Её продают бабушки на автобусной остановке. Они заплетают на веточку с десяток ягод и продают её за 20 копеек. Это очень дорого, но иногда мама мне такую веточку покупает. Дома можно черешню расплести и не торопиться есть, а повесить на уши, как серёжки.

Однажды я появился с такими серёжками на полянке, и Витька стал меня дразнить и говорить, что я — девчонка. Мне было очень обидно, я толкнул его и сказал:

– Сам ты девчонка. Я — индеец!

Май для меня начинается 30 апреля. Оттого что накануне — день рождения моей старшей сестры Полины, и две недели между нашими днями рождения — мои самые любимые.

В этом году Полине исполнилось 16, а мне будет только 8, поэтому она важничает и не хочет играть со мной «в Чапаева».

Может быть, вы не знаете, как играть «в Чапаева», и дума-

ете, что вам нужны конь и шашка, и даже бурка, которая прикрывает ваши плечи, пока вы рубите беляков налево и направо. Да нет, шашка для игры нужна не стальная и острая, а пластмассовая и круглая, та самая, которая прыгает через другие шашки наискосок по чёрным полям и может, если повезёт, стать дамкой. Я в шашки играю так себе и редко провожу дамки, а вот «в Чапаева» — очень даже неплохо. Тут, главное — хорошенько прицелиться и, щёлкнув пальцем свою шашку, сбить с доски шашку противника. А особенно здорово, если между двумя вашими шашками находится несколько шашек неприятеля. Тогда вы можете каждую из ваших двух прижать указательными пальцами, а потом «сделать ножницы», то есть стремительно свои шашки соединить, и все вражеские шашки, что между ними, сбросить одним ударом с доски.

«В Чапаева» можно играть круглый год, но в мае есть дела поважнее. Нужно не пропустить появления майских жуков. В прошлом году они начали летать ещё в апреле, и когда я пришёл на полянку, у Авридки уже были два жука в спичечном коробке. Мне было досадно, что я прозевал начало охоты, и я очень старался поймать хотя бы одного, но в тот день жуки, как назло, на нашу полянку больше не залетали.

В этом году я не мог допустить такого промаха и день за днём придирчиво изучал каждый кустик, каждый островок травы на нашей полянке, но только испугивал жирных кузнечиков, которые, прыгая, раскрывали свои голубые кры-

лышки.

Иногда мне попадалась саранча. Она была длинная, узкая, шершаво-скрипучая, и летала лучше, чем кузнечики. Зато кузнечики были веселее. Ещё реже попадались богомолы. Их называли так, оттого что они складывали свои лапки, будто молились богу. Я никогда не видел, как молятся богу, потому что все октябрюта знают, что бога нет. Вот Гагарин в прошлом году летал в космос и никакого там бога не видел.

А ещё мы с Авридкой ловили тарантулов. Тарантулы – это такие огромные, ядовитые пауки. Они могут вас очень больно укусить, и вы сразу умрёте. Научил меня ловить тарантулов мой друг Мика. Ну, может быть, не совсем друг, а, скорее приятель, ведь я видел его всего один раз. Он был большой, ему было одиннадцать лет, он курил настоящую папиросу и всё время сплёвывал через дырку между зубами.

– Эй, шкет, — сказал он мне. — Хочешь ловить тарантулов?

Я, конечно же, хотел.

– Тащи смолу, будем приманку делать.

Недалеко от нашего дома прокладывали какие-то трубы, и на стройке лежали большие чёрные куски смолы. Не знаю, для чего она нужна была строителям, но у меня и моих друзей смола пользовалась большим спросом: она была вкусная, как конфеты ириски, и её можно было жевать очень долго, поэтому мы называли её жвачкой. Мама меня за жвачку ругала, потому что зубы становились чёрными. Жвачку можно

было в школе выменять на пёрышко. А пёрышко можно было вставить в ручку и писать, но ещё лучше было просто играть им в «пёрышки». «Пёрышки» – это замечательная игра — ты поддеваешь лежащее на столе пёрышко противника носиком своего пера и, стукнув по своему, посылаешь чужое пёрышко в полёт, и, если оно, взлетев, перевернулось, значит, ты выиграл и можешь забрать его себе, а если не перевернулось, то ты проиграл, и должен своё пёрышко отдать.

Так вот, из смолы делали приманку для тарантулов. Смолу долго жевали, пока она не становилась мягкой, как пластилин, а потом её привязывали к толстой нитке. Эту приманку засовывали в дырку в земле, где должен был жить этот самый тарантул, и как только он её хватал, нитку нужно было вытаскивать вместе с несчастным ядовитым пауком, прилипшим к смоле.

В тот раз мы с Микой так тарантула и не поймали, потому что мама позвала меня домой. Потом мы с Авридкой много раз охотились на тарантулов, но то ли наша смола им не нравилась, то ли они куда-то из этих норок уходили по своим тарантуловским делам, но пока ни один из них нам ещё не попался.

Но я опять отвлёкся, ведь май был месяцем майских жуков, а вовсе не тарантулов. Вы можете спросить, для чего мне и моим друзьям нужны были майские жуки. Мы привязывали к ножке жука длинную толстую нитку и устраивали соревнования, чей жук полетит дальше. Наигравшись, мы кла-

ли наших лётчиков в спичечные коробки и засовывали туда зелёные листики, чтобы жуки могли поесть и восстановить силы.

Жуков я ловил руками. И Авридка так ловила, и её сестра Муся, и мой друг Милик. А вот Серёжа, который жил через дом от меня, ловил настоящим сачком.

Ни у кого из нас сачка не было, и мы Серёже немного завидовали. Правда, для ловли жуков и кузнечиков сачок был совсем не нужен, но зато Серёжа мог поймать сачком летящую бабочку, а руками поймать бабочку можно было только тогда, когда она сядет, если быстро зажать пальцами её крылышки.

У Серёжи были очень хорошие игрушки, но он никогда не звал нас играть с ним, а сами мы просить не хотели.

И вот сегодня Серёжа захлопнул снаружи входную дверь в свой дом. Его мама была во дворе и у неё не было с собой ключей от дома, а папа был на работе. Серёжина мама пришла к нам и попросила, чтобы я залез к ним в форточку и открыл замок изнутри.

Я никогда до этого не был у Серёжи. Мы прошли через калитку в большой сад. У нас во дворе росли четыре дерева: яблоня, слива, белая черешня и персик; а у них было, наверное, деревьев двадцать или тридцать. Серёжина мама посадила меня, и я залез в форточку, потом нырнул внутрь, потянулся на руках, протащил в форточку ноги и приземлился на ковре. Я прошёл через Серёжину комнату и от неожидан-

ности остановился, потому что никогда не видел так много игрушек. Потом подошёл к двери и открыл замок.

Я надеялся, что Серёжа позовёт меня играть его игрушками, но его мама взяла меня за руку, провела через сад и закрыла за мной калитку.

– Ну что, — спросила меня Авридка, — Открыл?

– Открыл.

– А почему Серёжа сам не залез в форточку?

– Не знаю. Наверное, его мама боялась, что он застрянет.

Мы представили себе застрявшего в форточке Серёжу, и нам стало очень смешно.

– Молодец, — сказала Авридка. – Вот тебе орден! — и прицепила мне на рубашку шишку репейника.

– Давай плести венки из одуванчиков, — предложила она.

– Нет, давай лучше строить шалаш.

Мы начали спорить, но тут пришёл Милик. Он жил через два переулка от нас и появлялся на нашей полянке нечасто.

Иногда он вместе с папой проезжал по нашему переулку на мотоцикле. Тогда мы махали ему руками и кричали:

– Милик! Милик!

Папа сидел за рулём, а Милик — в коляске. У обоих на головах были танковые шлемы. Милику очень хотелось сидеть сзади, прямо за папой, а не в коляске, но папа не разрешал.

Мы завели с Миликом серьёзный мужской разговор.

– Ну, как мотоцикл ездит?

– Да нормально, — ответил Милик.

– А когда мой папа взял Берлин, и война закончилась, ему дали трофейный немецкий мотоцикл, — похвастался я.

– А почему твой папа его домой не привёз?

– Наверное, далеко было ехать. Могло бензина не хватить. Папа рассказывал, что мотоцикл был такой хороший, что, если на дороге попадались камни, он мог через них перепрыгивать.

– И через большие? — недоверчиво спросил Милик.

Я точно не знал, но на всякий случай кивнул головой:

– И через большие.

Милик задумался:

– А через дом мотоцикл мог перепрыгнуть?

Я тоже задумался и ответил:

– Ну, только через небольшой.

Потом мы долго с Миликом и Авридкой бродили по полянке, прислушиваясь, не летят ли майские жуки. Но лишь стрекотание кузнечиков и шум ветра вплетались в вечернюю тишину.

Майские жуки ещё не прилетели, а до дня рождения оставалось всего три дня.

Шёпот из 3-го «Б»

Четверть только началась, а Шёпот уже пропустил два дня. Шёпот – это не кличка и не дразнилка, а фамилия. Толя Шёпот — ученик 3-го «Б», октябрёнок моей звёздочки.

Наша учительница Лия Павловна сказала:

– Как же так? Скоро день рождения Ленина. Мы готовимся к поступлению в пионеры, а Шёпот уже пропустил два дня!

К поступлению в пионеры мы готовились очень серьёзно. Лия Павловна рассказывала поучительные истории о пионерах, которые учатся только на хорошо и отлично, и всегда готовы прийти на помощь или обезвредить врага. Она говорила: «Пионеры мечтают. Вы ещё не пионеры, вы не имеете права мечтать!».

Тут я краснел и покрывался потом. Я мечтал. Каждый день, каждый вечер перед тем, как заснуть. О том, чтобы стать моряком, водить дружбу с индейцами, сражаться с пиратами и ещё о том, чтобы подружиться с Леной, которая училась в моём 3-го «Б». Она была красавицей, отличницей и старостой класса, и у неё были две косички.

Я никому не рассказывал о своих мечтах, даже учительнице. Я часто со страхом думал, а что будет, если она узнает, что я мечтаю. Один раз мне даже приснился сон, что Лия Павловна подходит к моей парте, ударяет меня указкой

по голове и говорит: «Ты, Илья, не достоин быть октябрёнком, тем более, командиром звёздочки. Октябрята – правдивые и смелые, ловкие и умелые. А ты обманом присвоил себе пионерское право мечтать. Вон из класса!» И весь класс смотрел на меня осуждающе, словно я был шпионом, перешедшим границу, чтобы отравить колодец или подложить динамит под детский сад.

И вот теперь, когда на классном часе учительница позвала меня к доске, я испугался, что она всё знает. Но она сказала: – Илья! Ты командир звёздочки. Сходи к Толе Шёпоту и узнай, почему он не ходит на занятия.

Толя жил в пятиэтажке напротив школы. Его отец работал на киностудии. Мы часто просили Толю: «Скажи отцу, чтобы по телевизору показали Фантомаса». Толя обещал, но Фантомаса почему-то не показывали.

Сопровождать меня вызвался Борька Изман, санитар нашей звёздочки — он проверял, чистые ли у нас руки. Мы поднялись на 3-ий этаж и позвонили в дверной звонок. Открыл дверь Толин папа.

– Шёпот дома? — грозно спросил Борька.

Папа слегка удивился:

– Я — Шёпот.

Борька прищурился и процедил сквозь зубы:

– Нам нужен Шёпот из 3-го «Б».

Шёпот из 3-го «Б» возлежал на кожаном диване. Я никогда до этого кожаных диванов не видел. У нас дома был ди-

ван, но не кожаный, а обыкновенный, с продавленными пружинами, на котором я спал. Мама накрывала пружины одеялом, чтобы они меня не царапали. Когда к нам приезжали гости, я перебирался на раскладушку, а если гостей было много, то папа сооружал мне кровать из двух стульев.

— Ты чего это в школу не ходишь? — сдвинул брови Борька. — Леопардовна тебя в пионеры не примет!

Шёпот попытался что-то ответить, но в это время его мама, появившаяся непонятно откуда, строго сказала:

— Ты что не видишь? Болеет он.

— Толенька, съешь апельсинку, — протянула она ему тарелку с апельсиновыми дольками. Я услышал, как у нас с Борькой одновременно заурчало в животах.

Стараясь не смотреть на тарелку, я выпалил:

— Шёпот, скоро день рождения Ленина! Мы готовимся к поступлению в пионеры, а ты уже пропустил два дня.

Шёпот набил рот апельсиновыми дольками и развёл руками.

У меня в животе заурчало ещё сильнее, и я сказал:

— Шёпот, пионеры мечтают!

Борька прищурился и спросил:

— Шёпот, а ты мечтаешь?

Толик доел апельсин, вытер губы и отрицательно покачал головой. Упрекнуть его было не в чем. Мы попрощались и вышли на лестничную площадку.

— Сейчас бы апельсинку, — глотая слюну, произнёс Борь-

ка.

– Вот станешь пионером, тогда и будешь мечтать! — сердито ответил я, и мы разошлись по домам.

Печатная машинка

«Ты пустишь нас по миру!» — кричал папа. «Мы будем голодать! Ты не знаешь, что это такое, а я знаю слишком хорошо!»

Я сломал печатную машинку, на которой папа всё время печатал, когда вечером приходил с работы.

Повёл каретку не в ту сторону, из машинки высыпались какие-то маленькие металлические шарики, и она перестала работать.

Я научился читать в пять лет. А писать — лишь в шесть с половиной. Но печатать я научился в пять. У нас была немецкая печатная машинка с русскими буквами на круглых клавишах.

Машинка была старенькая, рычажки с буквами иногда не отскакивали сами, а застревали в ленте, и их приходилось осторожно опускать вниз рукой, а буква «е» почему-то печаталась выше остальных.

В машинку заправлялась бумага, а если нужна была ещё и копия, то между листами можно было вставить копирку, обычно чёрную. Но если вам сильно повезло, то она могла быть синей, зелёной или даже красной, и вам доставались

цветные копии. Копирку мне разрешалось брать только старую, которую папа уже использовать не мог, и для того, чтобы на второй странице хоть что-то было видно, нужно бы-

ло сильно дубасить по клавишам. Но дубасить папа не разрешал, оттого что от этого рвалась лента. Но даже если нажимать не так сильно, лента всё равно потихоньку рвалась, а её частички застревали в металлических буквах и пачкали бумагу.

Буквы нужно было чистить, и папа поручал это мне. Особенно мне нравилась большая буква Ж, потому что в ней было много изгибов. Чистить нужно было тонкой иглой, но мама не разрешала брать швейные иголки, так как от этой чистки они пачкались, и давала мне разогнутую скрепку. Скрепка была слишком толстой и буквы чистились плохо. Поэтому я утягивал у старшей сестры Полины комсомольский значок и чистил буквы его иголочкой. Но и здесь всё было не так просто. От того, что я отгибал иголку слишком часто, она в конце концов отломалась. Сестра никак не хотела верить в то, что иголка поломалась сама и что значок я вообще не трогал.

Эту машинку отец привёз из Германии после войны. Другие привозили ковры, аккордеоны, фотоаппараты, а он привёз пишущую машинку, которую нещадно эксплуатировал, печатая статьи для газет и журналов и публикуя их под различными псевдонимами. Нас было трое детей, мама не работала, дом требовал расходов на уголь, дрова, газ, водопровод и всё остальное, и отец как-то справлялся с этим, хотя нам, детям, и не приходило в голову, что это не так просто.

Папа очень сердился за поломанную машинку, и это было

очень плохо. Ведь скоро 7-ое ноября и он может не взять меня на дежурство. Папа работал на радио, или, как было написано у него на удостоверении, в Комитете по радиовещанию и телевидению. 1 мая и 7 ноября он выходил на дежурство, чтобы враги не захватили этот самый радиокомитет, пока советские люди празднуют, и обычно папа брал меня с собой.

До работы идти было всего минут десять, но можно было не спеша поговорить о чём-то важном, например, о футболе. На проходной папа показывал свою красную книжечку усатому старшине, и тот пропускал нас обоих. В папином кабинете было четыре стола и на каждом стояла пишущая машинка, да не простая, а электрическая. Она печатала удивительно быстро и громко. Папа обычно строчил очередной материал, и рядом что-то строчил и я. Ну, если честно, то я не строчил, а медленно нажимал на клавиши, стараясь сильно не стучать, чтобы не пробить ленту.

И ещё, у него на работе был бесплатный телефон, и по нему можно было куда-то позвонить. У нас дома телефона не было, и у моих приятелей тоже, так что звонить вообще-то было некуда, но можно было позвонить по номеру 100 в «точное время» или 1-2-3 в «прогноз погоды». У папы в кабинете на стенке висели большие круглые электрические часы, большая стрелка которых каждую минуту прыгала вперёд на одно деление. Часы, конечно, замечательные, но разве можно было им доверять, когда есть «точное время»?

Прогноз погоды мне был вроде бы и ни к чему, потому что

я и зимой, и летом носил одну и ту же одежду: синие брюки из «чёртовой кожи» и серую рубашку с пятнами от чернил. На случай дождя зонтика или плаща у меня всё равно не было, но не узнать на дежурстве прогноз погоды было просто невозможно. Вот идут люди по улице и ничего о погоде не знают, а я позвонил по телефону и знаю, что переменная облачность, температура от 15 до 17 градусов и ветер северный, умеренный до сильного.

Один раз, когда мы были на дежурстве, папа на время ушёл. И тут пришла какая-то тётя, и ужаснулась, что ребёнок один. Ей нужно было куда-то идти, и она повела меня в комнату, где на подставке стоял большой микрофон, и она, нажав какую-то кнопку, громким голосом объявила на всю Молдавию: «А сейчас по заявке доярки колхоза „Память Ильичу“ Марии Сырбу прозвучит Триумфальный марш из оперы Джузеппе Верди „Аида“».

Потом она выключила микрофон, подмигнула мне, и только мы из комнаты вышли, так сразу встретили какого-то дядю, который долго ругал её за то, что она взяла ребёнка в студию, ведь ребёнок мог чихнуть или заплакать на всю республику. А я знал, что не мог, что скорее бы умер, чем заплакал или чихнул, но разве этому дяде объяснишь.

А ещё у папы на работе был телевизор. По нему можно было смотреть военный парад с настоящими танками и ракетами и демонстрацию, где люди шли с плакатами и шариками. Когда людей показывали близко, они начинали улы-

баться и махать руками. Я им тоже улыбался и махал, но они меня, конечно, не видели.

Но самое интересное – это был магнитофон. Если папа был не очень занят, он мог его включить, катушки начинали крутиться, и папа разрешал мне что-то сказать в микрофон, а потом плёнку можно было перемотать и прослушать. Получалось забавно: я сидел с закрытым ртом, а мой голос сам по себе что-то говорил.

Нет, не пойти с папой на дежурство было просто невозможно, и что-то надо было придумать, чтобы папа меня простил.

Я долго думал и решил, что нужно стать хорошим и послушным. Хотя бы на время.

После ужина я спросил:

– Мама, почему ты мне сегодня не дала рыбьего жира?

Мама очень удивилась. Рыбий жир я ненавидел всей душой. Я был твёрдо уверен, что хуже рыбьего жира в мире нет ничего. Даже горький хлористый кальций, который приходилось пить, когда всё тело начинало чесаться от укуса паука или от какой-нибудь гусеницы, был лучше. Запьёшь его кружкой воды, съешь ложку сахара – и вроде, как бы уже не так горько. Но рыбий жир! Маслянистый, противный, чей вкус ни водой, ни сахаром не перебеёшь. Брр!!!

– Илюша, ты хочешь рыбий жир? — так маму я ещё, наверное, никогда не удивлял.

– Да, мама, я хочу вырасти большим и сильным, а для это-

го нужно пить рыбий жир.

Мои сёстры недоверчиво переглянулись. Им тоже давали рыбий жир, но они всегда что-то придумывали и увиливали. Папа опустил газету и внимательно посмотрел на меня.

— И, если можно, я бы хотел две ложки, а не одну, — потупив глаза, добавил я.

Следующий день был выходным и в школу идти не надо было. После обеда я спросил:

— Мама, можно я сейчас посплю?

Мама опять очень удивилась, потому что заставить меня спать после обеда было совершенно невозможно.

— Мама, я хочу вырасти большим и сильным, а для этого нужно спать днём.

Я зажмурил глаза и стал считать. Досчитал до ста и посмотрел на часы. Большая стрелка оставалась почти на том же месте, где она была до того, как я лёг. Я постарался считать медленнее, но стрелка не спешила перемещаться. «Надо продержаться хотя бы полчаса», — подумал я и неожиданно заснул.

Я проснулся от разговора родителей в соседней комнате. Мама говорила папе: «Илюша ужасно переживает, что поломал печатную машинку. Ты уж, пожалуйста, прости его».

«Ура! — подумал я. — Завтра рыбий жир можно не пить!»

Единица по рисованию

Когда я перешёл в пятый класс, вместо одной привычной учительницы у меня вдруг сразу стало много преподавателей: учительницы по математике, русскому языку и литературе, ботанике, географии, истории, английскому, молдавскому, физкультуре и учитель по рисованию.

Учился я не так уж и плохо. У меня по всем предметам были пятёрки. Только по русскому была четвёрка. И ещё — единица по рисованию.

Четвёрка по русскому была из-за сочинений, потому что, увлёкшись, я наставлял десяток лишних тире, запятых и точек с запятыми.

А вот с рисованием...

«Ты должен очень упорно работать, чтобы заслужить двойку», — говорил мне Михаил Иванович, ставя в дневник очередную единицу.

Единица была оценкой крайне редкой, я бы сказал, необычной. Никто из моих одноклассников, даже второгодники, единиц не получал.

Нет, конечно, если сильно постараться, то единицу получить можно было. Для этого нужно было сначала получить двойку, а потом нагрубить учителю. После чего двойка исправлялась на единицу. Но на это мало кто решался.

Вы не поверите, но рисование я любил всей душой. Я

любил коробки с цветными карандашами, на которых была изображена Царь-пушка или голова Спартака в шлеме, или таинственная надпись: «Сакко и Ванцетти». Я любил точилку-рыбку, похожую на леденец. Я любил вкусно пахнущие краски, мохнатые кисточки и туго связанные альбомы. Они выглядели так заманчиво, так красиво, и казалось, только начни рисовать...

Но это только казалось. Я не мог нарисовать ничего. Ни кувшин, ни вазу с фруктами, ни птицу, ни даже бабочку-капустницу.

Михаил Иванович подозревал, что я это делаю назло и относился ко мне недоверчиво. Моя успеваемость по другим предметам лишь усиливала его подозрения. Наверное, будь у меня тройки по математике, литературе или ботанике, он и по рисованию поставил бы мне тройку. Но по математике, литературе и ботанике у меня были пятёрки, а по рисованию после окончания первой четверти стоял кол.

Михаил Иванович не выдержал и вызвал в школу родителей. «Понимаете, в пятом классе и в шестом у нас уроки рисования два раза в неделю, а с седьмого класса рисование заменит черчение, и поскольку наша школа с чертёжным уклоном, то это черчение будет и в восьмом, и в девятом, и даже в десятом классе три раза в неделю, — вздыхая, говорил он маме. — А это значит, что нам с вашим сыном придётся провести вместе ещё долгих пять с половиной лет».

Перспектива провести пять с половиной лет с абсолютно

бездарным учеником не привлекала учителя. Не привлекала она и абсолютно бездарного ученика. На этой тропе не было места двоим, и один должен был отступить.

Мне отступить было некуда — оценки ниже единицы в советской школе не было.

На следующем уроке Михаил Иванович объявил:

– Сегодня мы рисуем домашних животных по памяти. Вы можете нарисовать кошку или собаку.

Я поднял руку:

– У нас в доме нет домашних животных, но на форточке живёт паук. Можно я его нарисую?

– Я же сказал — домашних животных.

– Но он же живёт на внутренней, домашней, стороне форточки.

Я не знаю о чём думал Михаил Иванович. Наверное, о том, что у отличников домашние животные – это кошки и собаки, у хорошистов — кони и коровы, у троечников — овцы и козы, у двоечников — кролики и куры, а вот у единичника — паук. Паук, конечно, редкое домашнее животное, но, с другой стороны, и единичники встречаются не каждый год.

– Ну, ладно, — махнул он рукой, — рисуй.

Легко сказать: «рисуй». Для меня, что паука, что кошку, нарисовать было совершенно невозможно.

Я опять поднял руку:

– Михаил Иванович, я не могу по памяти, я должен ри-

совать с натуры. Разрешите выйти из класса, поймать паука, принести его сюда и начать рисовать.

Учитель был явно обескуражен, и я добавил:

– Михаил Иванович, мне нужно определить расположение паука в пространстве, почувствовать пропорциональное соотношение паука и форточки, — и выбежал из класса.

Когда я вернулся, урок уже закончился. Первый раунд завершился вничью.

В четверг Михаил Иванович сказал:

– Сейчас я прочитаю стихотворение. Вы внимательно слушайте:

Побежала Таня за цветами,
Свой букет она подарит маме.
Вот ромашка с золотым сердечком,
У неё высокий стебелёк,
Рядом с нею синий, будто речка,
Солнышком нагретый василёк.

– Это стихотворение, дети, о цветах, и сегодня мы будем рисовать декоративные цветы. Как те, о которых говорилось в стихотворении. Это называется — натюрморт.

Может ли человек, не сумевший изобразить восемь ног паука, нарисовать натюрморт?

Я схватил с подоконника горшок с геранью и потащил к себе на парту.

– Слушай, дурень, перестань есть хозяйскую герань!

— продекламировала наша первая ученица Светка Нарвоин. Я пропустил эту ехидную атаку и скромно сказал:
– Я всегда пишу с натуры. Мне цветок нужен для вдохновения.

Класс принялся за работу.

Учитель положил мне руку на плечо:

– А ты почему не рисуешь?

– Я, Михаил Иванович, погружаюсь в творческий процесс, а вы это неожиданно прервали. Наверное, я уже не успею сегодня создать натюрморт, — степенно ответил я.

Михаил Иванович посмотрел на меня каким-то странным взглядом и отошёл не споря.

Начало следующей недели я жил ожиданием урока рисования. Темой урока был «Зимний пейзаж».

Я сидел за партой, тупо уставившись в пустой лист альбома.

– Почему не рисуем? — вяло поинтересовался учитель.

– На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна.

А Шишкин картину писал не в апреле, и не в ноябре он писал.

Как можно писать снег и сосны, скажите,

когда за окном грязь и дождь?! — довольно громко пробормотал я.

Михаил Иванович посмотрел на меня испуганным взглядом и отошёл к соседней парте. За ней Толик Шёпот, высунув от напряжения язык, рисовал зайчиков под ёлочкой.

– Молодец, Толик! — похвалил его учитель.

Во второй четверти по рисованию я получил тройку. На родительском собрании Михаил Иванович даже поставил меня в пример: «Вот Илья изменил своё отношение к предмету, стал серьёзней относиться к работе, стараться, и повысил свою успеваемость в три раза».

Повысить успеваемость в три раза больше никому в школе не удалось.

Абрики

Если вы не выросли на юге, то наверняка не знаете, что такое абрики. Абрики – с ударением на первом слоге – это абрикосы на детском языке, но не те, оранжевые, сочные, мягкие, а незрелые, зелёные, твёрдые, маленькие и очень кислые, которым не суждено будет попасть на прилавки или быть съеденными хозяевами абрикосового дерева.

Как только деревья заканчивали цвести и на них завязывались маленькие зелёные пушистые плоды, начиналась охота на абрики. Никакие увещевания взрослых, а также их обещания, что мы обязательно заболеем дизентерией, не действовали даже на девчонок.

Мы были всеядными и ели всё, что росло само по себе: чёрный паслён, цветы белой акации, незрелые орехи, и, конечно, абрики. И не потому, что мы были голодными, а потому что это было очень вкусно.

Мы жили в южном городе, где потребление фруктов не зависело от бюджета семьи. Яблоки, черешня, вишня, виноград росли почти в каждом дворе, а херсонские арбузы продавались в овощных магазинах по 5 копеек за килограмм.

Но абрики – это была свобода!

Абрики – это был союз пацанов, залезших в чужой двор, из которых один обязательно стоял на шухере, а остальные тырили, но немного — ровно столько, чтобы набить карманы

и съест сегодня.

Абрики – это было предвестие окончания учебного года, вольности и безделья наступающего лета.

В тот день мы с пацанами договорились после уроков пойти за абриками. Недалеко от школы на перекрёстке росло старое абрикосовое дерево. Серёга, Толик и Вовчик залезли на ветку, которая нависала над проезжей частью улицы, а Борька, Мишка и я — на противоположную, которая заканчивалась за забором какого-то двора.

Мишка стремительно продвигался по ветке и орал:

– Илюха, вали сюда, здесь столько!

И действительно, ветка вся была обсыпана абриками. Я полез за ним, ветка слегка провисла, и всё бы ничего, но Борька решил последовать моему примеру. Борька был не то, чтобы толстым, но очень плотным.

Ветка затрещала, мы дёрнулись назад, но было поздно: ветка обломилась, и мы полетели во двор.

Первое, что мы увидели, когда отряхнулись и встали на ноги — была овчарка, которая внимательно нас рассматривала. У всех у нас, кто жил в частных домах, или, как говорили, «на земле», были собаки. Но то были обычные безродные дворняжки, при появлении незнакомца заливавшиеся истерическим лаем и пытавшиеся цапнуть его за ногу. А это благородное животное разглядывало нас молча.

Обнадёженные этим молчанием, мы попытались двинуть-

ся в сторону калитки, но тут овчарка зарычала. Не очень громко, но достаточно, чтобы мы остановились.

— Ты что не видишь? Мы с дерева упали, — пытался образумить собаку Мишка, но его доводы не произвели на пса никакого впечатления.

Тут дверь дома распахнулась, и на пороге показался хозяин. Не знаю, о чём думали Мишка с Борькой, но я сразу вспомнил истории о сторожах, стреляющих солью по пацанам, тырящим фрукты, и о заборах, по которым проведён электрический ток, мгновенно убивающий нарушителей.

Ружья, правда, в руках хозяина пока не было. Не спеша, он подошёл к нам и спросил что-то по-молдавски. У меня по молдавскому языку была пятёрка. Но я всё равно ничего не понял. Похоже, что и Борьке с Мишкой вопрос не очень был понятен. Хотя, с другой стороны, ну что тут понимать. Человек выходит к себе во двор, а там стоят неизвестно откуда взявшиеся, пацаны.

— Тимуровцы мы, — басом сказал Борька. — Можем вам воды из колодца принести.

Честно говоря, хозяин дома мало походил на старушек или инвалидов из книги Гайдара. Он был высокого роста, широкоплечий, да и лет ему было не больше, чем нашим родителям. Тяжёлая металлическая пряжка на солдатском ремне, которым были опоясаны его брюки, не добавляла оптимизма.

— Тимуровцы? — перешёл он на русский, приподнимая

двумя руками сломанную ветку. — Ну что ж, для начала прополите грядки от сорняков. А Рекс проследит, чтобы вам скучно не было, — добавил он и вернулся в дом.

Двор был большой и грядок было много. Пока мы, царая руки, выдёргивали сорняки, начало смеркаться. Каждая наша попытка продвинуться в сторону калитки заканчивалась недобрым рычанием Рекса.

Первым не выдержал Борька:

– Что же мы тут ночевать будем?

– У Рекса спроси! — посоветовал я.

– Нам же ещё уроки нужно делать. На завтра по молдавскому Мария длинное стихотворение учить задала.

– Хорошо бы сейчас инопланетяне прилетели и спасли нас, — мечтательно произнёс Мишка.

Мы глянули на небо, но ничего похожего на инопланетный корабль не наблюдалось.

В это время скрипнула калитка и во двор вошла Мария Васильевна — наша учительница молдавского языка. В одной руке она держала портфель, а в другой — большую авоську с продуктами.

– Че фáчь айчь?!¹ — удивлённо воскликнула она.

– Лукрэм!² — в один голос закричали мы.

Когда я наконец пришёл домой, мама поинтересовалась, почему так поздно.

¹ *Что вы тут делаете?*

² *Работаем!*

– Учили с Борькой и Мишкой молдавский язык, — устало ответил я.

На следующий день на молдавском учительница вызвала меня читать наизусть стихотворение.

– Я не успел выучить, Мария Васильевна, — вздохнул я.
— Занят был очень.

И она даже не поставила мне двойку, а сказала:

– Ну, хорошо. Выучи к следующему занятию.

А после уроков мы с пацанами договорились пойти за абриками.

Лепестки восьмого марта

Светлой памяти моей учительницы географии Аллы Григорьевны Штейнберг.

Восьмое марта стремительно приближалось. Нужно было что-то делать. Мы собрали военный совет мужской половины 9 «Б».

– Девчонок не поздравлять! — поступило первое предложение, которое было принято единогласно.

Ещё бы, ведь они нас не поздравили с Днём Советской Армии. Ну хоть бы сказали что-то типа: «С праздником, ребята!» — так нет, ни слова в наш адрес, как будто бы мы не мужчины, а вообще непонятно кто. А учителя черчения Михаила Ивановича поздравили, хотя он честно признался, что в армии не служил по состоянию здоровья.

Мы, понятно, тоже не служили, но ведь это только пока. Вот Колькин брат, который закончил школу в прошлом году, получил двойку уже на первом вступительном экзамене в Политехнический институт и теперь готовился к весеннему призыву. Мы, конечно, двойки получать не собирались, да ведь и он не собирался.

– Будем девчонкам мстить! — насупив брови мрачно сказал Олег.

Олег с детства мечтал о военном училище. И вот его, стат-

ного, с литыми мускулами и пробивающимися усиками, без пяти минут офицера танковых войск, девчонки просто не заметили. От этого можно было возненавидеть весь женский пол, но Олег был выше этого.

— Что мы сделали в прошлом году на восьмое марта?

— Да ничего не сделали, — пожал плечами Борька. — Даже классную не поздравили. А девчонки поздравили.

— Так точно! — отчеканил Олег. — А в этом году победа будет за нами. Подарим цветы не только классной, но и ещё кому-нибудь из учительниц. Девчонкам такое в голову не придёт.

— Давайте, Лидии, — предложил я. — Без неё мы бы ни с Онегиным, ни с Раскольниковым не встретились.

— Куда же мы делись бы? — ехидно усмехнулся Славик. — Школьной программы ещё никто не отменял.

— Отличный план, — согласились все и пошли выпрашивать у родителей деньги на цветы.

Вечером 7 марта мы купили на маленьком базарчике возле троллейбусной остановки два букета тюльпанов — для нашей классной руководительницы Аллы Григорьевны и для учительницы литературы Лидии Яковлевны. Букеты были замечательные — большие красные тюльпаны со светло-жёлтой полосой по краю.

Утром 8 марта мы вошли в класс, преисполненные чувством собственного достоинства. Два шикарных букета были завёрнуты в целлофан и припрятаны от любопытных глаз.

Девчонки пришли только с одним букетом, и их тюльпаны были явно мельче.

О, вы бы видели эти перекошенные девчоночьи лица, когда на первом уроке, а это была литература, я поднял руку и сказал:

– Лидия Яковлевна! От ребят 9 «Б» хочу поздравить вас с днём 8 марта и пожелать вам и дальше учить нас уму-разуму! — после чего достал из-под парты букет и вручил его учительнице.

Я даже не знаю, кто был больше удивлён, Лидия Яковлевна или наши девчонки. Мы расправили плечи и ощутили себя корнетами, штабс-капитанами и поручиками в отставке.

На перемене девчонки схватили свой букетик и побежали в учительскую поздравлять классную. Мы было тоже дёрнулись с места, но Олег гаркнул командным голосом:

– Отставить! У нас же классный час на последнем уроке, там Алле букет и вручим.

Бежать вслед за девчонками в учительскую никому особенно не хотелось, и мы согласились.

Перемещаясь после второго урока из кабинета истории в кабинет биологии, мы вдруг обнаружили, что наши тюльпаны уже распустились и выглядят слегка перезрело.

– Не доживут они до классного часа, — сказал Борька. — Надо срочно дарить.

Пока мы решали, что делать, раздался звонок.

– На следующей перемене подарим, — процедил Олег.

Получив сорокопятиминутный заряд знаний по биологии и осмотрев букет после звонка, Славик наморщил лоб и важно произнёс:

— Насколько я понимаю в ботанике, у двух тюльпанов упало по лепестку, а у третьего он упадёт по дороге в следующий кабинет.

— Искусственные нужно было покупать, — вздохнул Юлик.

— В прошлом году мы Аллу не поздравили с восьмым марта, — заметил Борька. — Это было невежливо. А в этом году мы подарили цветы, но не ей, а Лидии. А её не поздравим опять. Это уже не просто невежливо, это оскорбление.

— Вот и отомстили девчонкам! — покачал головой Мишка.

Следующим уроком было черчение.

— Ну его, ребята, — сказал Олег. — Пойдём лучше в футбол погоняем.

— А с цветами что делать? Выкинуть? — спросил Славик.

— Девчонкам подари, — зло ответил Колька. — Каждой по лепесточку.

Славик подумал и на всякий случай засунул букет в шкаф.

На школьном стадионе пацаны гоняли мяч. Мы присели на скамейку. Шёл мокрый весенний снег.

День, так замечательно начавшийся, был безнадёжно испорчен.

— Снег падает, как лепестки, — пробормотал Мишка.

– Под милицейские свистки, — добавил Колька.

– Может, и на классный час не пойдём? — предложил Юлик.

– Правильно! — кивнул Борька. — Добьём Аллу! Пусть знает, какие мы хамы!

– Почему хамы? — возразил Юлик. — Мы же хотели как лучше.

– Хотели! А я вот вчера хотел стать космонавтом, — сдвинул брови Колька. — Но не получилось, и пришлось делать уроки.

– Интересно, а что бы Онегин сделал в нашей ситуации? — спросил Мишка.

– Вызвал бы на дуэль старушку-цветочницу, а затем позвонил Раскольникову и попросил одолжить топор, — пошутил я.

– Не смешно, — сказал Борька. — Мы хорошего человека обидели.

Потом мы долго сидели молча, уставясь на футбольное поле. Я думал о том, что правильно было бы просто встать на классном часе, поздравить Аллу Григорьевну и честно рассказать нашу печальную историю. Я представил, как я встаю, пытаюсь найти нужные слова, и они застревают у меня в глотке; я краснею, слёзы подступают к глазам, и в это время кто-то из девчонок говорит насмешливым голосом «Хорош врать-то!», и мне становится так стыдно, так обидно, что остаётся только пойти и застрелиться.

— Скоро звонок, — взглянул на часы Славик. — Пошли, букетик наш проведедем.

Мы заглянули в кабинет биологии; там никого не было кроме Дениса Константиновича, который проверял контрольные работы. Денис заканчивал университет и проходил в нашей школе преддипломную практику.

— Чего ищем, орлы? — спросил он.

— Да вот, изучаем реликтовые биологические экспонаты, — ответил Славик, извлекая из шкафа то, что ещё недавно было букетом тюльпанов.

— Какие замечательные лепестки! — воскликнул Денис. — И что вы, мужики, с ними делать собираетесь?

— Хотели Алле Григорьевне букет подарить, да не дожил он до классного часа.

— А вы знаете, что Людвиг Фейербах сказал, что в быстро вянущих лепестках цветка больше жизни, чем в грузных тысячелетних глыбах гранита?

С Людвигом Фейербахом мы знакомы не были, поэтому скромно промолчали.

— Не удалось подарить букет, так дарите лепестки! — посоветовал Денис.

— Это как? — удивились мы.

— Придумайте что-нибудь.

— Можно лепестки на воду спустить, — предложил Юлик. — Алла же преподаёт географию, ей понравится.

— Это что ли в ведро для мытья пола? — съязвил Колька.

— Или просто воду на учительский стол нальём?

— Думайте, мужики, думайте, — улыбнулся Денис. — Купить букет цветов любой дурак может, а вот попробуйте обойтись подручными средствами.

До классного часа оставался один урок.

Когда Алла Григорьевна вошла в класс, мы столпились вокруг учительского стола.

— Ребята, вы почему не садитесь?

Мы отошли от стола, и на нём запылало сердце из лепестков.

— Что это? — удивилась учительница.

— Поздравляем с днём 8 марта! — радостно завопили мы.

По дороге домой Олег глубокомысленно заметил:

— Всё-таки, отомстили девчонкам.

— Да причём тут девчонки? — вздохнул Борька.

Гамбит холодильщика

— В Бендеры на турнир поехать хочешь? — спросил мой тренер Илья Самойлович.

— Конечно! — ответил я.

— Это командный чемпионат Министерства пищевой промышленности Молдавии. Будешь играть на первой доске за Вино-коньячный комбинат.

— За Вино-коньячный?!

— Товарищи попросили помочь. Это всего на два дня: субботу и воскресенье, так что школу тебе пропускать не придётся.

Я заканчивал десятый класс и два-три раза в неделю ходил в шахматный кружок Дворца пионеров. Недавно я выполнил 1-ый разряд, и прицепил к пиджаку красивый значок с цифрой 1 и шахматным конём на серебряном поле.

— Он согласен, — сообщил Илья Самойлович высокому мужчине в клетчатом пиджаке.

Тот протянул руку:

— Георгий. Жду тебя в субботу в 7:30 утра на железнодорожном вокзале у кассы №4.

К назначенному времени я подошёл к кассе №4 с портфелем в руке. В нём находилось всё необходимое для двухдневного путешествия: зубная щётка, паста, мыло, расчёска, свежий номер «Советского спорта» и сборник рассказов Хе-

мингуэя.

Рядом с Георгием стояли невысокий мужчина лет тридцати и девчонка примерно моего возраста.

– Знакомься, — представил нашу команду Георгий. – Это — Мирча, он будет играть на 3-ей доске. А это — Мира, она будет играть на 4-ой, женской.

Если тебя спросят, скажешь, что работаешь холодильщиком. А ты, Мира, — курьером.

До Бендер мы доехали за час с небольшим и направились во дворец культуры в центре города. Первым, кого я встретил, был Лёня Драбовецкий. Он тоже занимался во Дворце пионеров и на этом турнире представлял Кишинёвский консервный завод.

– Турнир, как турнир, — пожал он плечами, — только контроль времени довольно жёсткий — по часу на всю партию каждому из игроков — а ты ведь любишь подумать.

Первые две партии я выиграл, а третью сыграл вничью. Мира выиграла все три, а вот Георгий и Мирча на двоих набрали всего два очка из шести.

Тем не менее, Георгий был доволен:

– Если и завтра хорошо сыграем, попадём в призовую тройку.

Миру поселили в комнате с двумя другими шахматистками, а мы с Георгием и Мирчей расположились в соседней.

«Прочитаю „Рог Быка“ и лягу спать», — подумал я, доставая из портфеля Хемингуэя.

Между тем Георгий и Мирча открыли свои сумки и извлекли из них по канистре. Мирча наполнил три стакана, а Георгий достал брынзу, сало, несколько луковиц, огурцы и буханку хлеба.

— Давай, холодильник, — позвали они меня, — за победу!
«Выпью стакан вина, — решил я. — Быстрее усну».

— Ты чего это, третью партию не выиграл? — спросил Георгий.

— Да устал, спал мало.

— Ничего, сейчас отдохнём, — успокоил меня Мирча и опять наполнил стаканы.

После третьего стакана он нахмурился и подозрительно посмотрел на меня:

— Ты кто?

— Холодильщик.

— А почему же на первой доске играешь? Вот я — бригадир, а играю только на третьей.

— Так у меня же первый разряд, — попытался оправдаться я.

— Вот я и говорю, — поднял палец Мирча. — А у меня — шестой. Я лучший слесарь в бригаде, а меня на третью доску посадили. Вот Георгий — он мастер, поэтому он играет на второй доске, а ты-то как на первую пробрался?

— Не знаю. Мне Илья Самойлович сказал играть на первой.

— Ну, что за народ, — с досадой стукнул по столу Мирча.

— Всегда своих наверх протащат.

— Да отцепись ты от парня, — цыкнул на него Георгий.

— Давай наливай, а то завтра пересажу тебя на четвёртую доску.

Угроза подействовала мгновенно, и Мирча наполнил стаканы.

— Мне бы поспать, — тоскливо вздохнул я. — Нам же завтра два тура играть.

— Да ладно, — отмахнулся Мирча. — Сегодня же сыграли и завтра сыграем. Ты мне лучше скажи, почему вы, евреи, сала не едите?

— Нарезай! — сказал я.

— И наливай! — добавил Георгий.

— Хорошо сидим, — поставив пустой стакан на стол отметил Мирча.

— Лучше бы хорошо лежали.

— Да чего ты всё ноешь? — грозно спросил Мирча и наполнил стаканы.

— Сэ фїм сэнэтóс!³ — ответил я, чокаясь.

— Так ты ещё и по-молдавски говоришь? — просветлел Мирча.

— Только когда спать очень хочется, — прозрачно намекнул я.

— А ты в чьей бригаде?

— Холодильщик я, — изложил я всю известную мне ин-

³ Будем здоровы!

формацию.

— Да вижу, что не начальник цеха, — погрозил он мне пальцем. — Знаешь что? Иди ко мне в бригаду. Я из тебя классного слесаря сделаю.

— Да не могу я.

— Почему?

— Ну ты понимаешь, Мирча, каждый из нас родился с каким-то предназначением. Вот Михай Эминеску должен был стать поэтом, София Ротару — певицей, а Борис Спасский — шахматистом. Понимаешь?

— Понимаю, — выдохнул он.

— А я должен стать хо-ло-диль-щи-ком! Понимаешь?

— По-ни-ма-ю, — неуверенно прошептал он.

— А раз понимаешь, — засмеялся Георгий, — то на-ли-вай.

Я проснулся от того, что Георгий тряс меня за плечо. Встал, умылся, почистил зубы, даже засунул голову под кран, но особой бодрости не ощутил.

«Нужно выиграть следующую партию, пока ещё есть какие-то силы, — подумал я, — а там, будь что будет».

К моему большому удивлению, следующим моим соперником был известный в республике кандидат в мастера Аркадий Киткис.

— А я вас, вроде, вчера не видел, — сказал я.

— Я вчера занят был. Сегодня приехал на замену. А ты что, школу уже закончил?

– Да нет, заканчиваю. Рабочую профессию приобретаю на всякий случай.

– Это правильно! А какую именно?

Тут я, как назло, забыл название своей рабочей профессии.

– Ну, старший, куда пошлют, — осторожно ответил я.

– Курьер, что ли?

– Да нет, это Мира — курьер, а я — холодильник, — наконец вспомнил я.

– В чём же работа твоя заключается?

Я задумался. Мне даже не пришло в голову спросить у Георгия, чем занимаются холодильники.

– Ну, — развёл я руками. — Это же вино-коньячный... Смотрю, чтобы не перегрелось.

– Да, это важно! — согласился Киткис.

Мы пожали руки и начали партию.

Я играл белыми, и мы разыграли острый вариант системы Земиша в староиндийской защите. Острый вариант, наверное, играть не надо было, потому что считать варианты после вчерашнего отдыха мне было всё тяжелее, и стрелка на моих часах двигалась подозрительно быстро. Я пытался провести атаку на чёрного короля, но с ужасом заметил, что последним ходом подставил фигуру.

Киткис испытующе посмотрел на меня, потом обхватил голову руками и углубился в расчёты.

Я понимал, что мне нужно сдаваться, но смущало, что

противник не спешил делать ход. Постепенно вокруг нас собралась целая группа игроков, которых что-то в этой позиции сильно заинтересовало. Считать варианты моя голова категорически отказывалась, поэтому я сложил руки на груди и всем своим видом старался показать непоколебимую уверенность.

Прошло ещё минут пятнадцать. Киткис глубоко вздохнул и протянул мне руку.

«Ничью, что ли, предлагает?» — обрадовался я, но после того, как он сказал: «Блестящая жертва!» — и стал расставлять фигуры, до меня дошло, что он сдался.

Стараясь не показать своего удивления, я с умным видом пробормотал:

– Да, неплохая.

До следующей партии оставалось 20 минут. Я вышел на улицу, сел на скамейку и закрыл глаза. Ужасно хотелось спать. Даже неожиданная удача в последней партии не радовала.

Ко мне подошёл Лёня Драбовецкий.

– Поздравляю! Блестящая жертва! Какой дебют вы разыграли?

– Гамбит холодильщика, — ответил я и снова закрыл глаза.

– Пошли в зал, последний тур начинается, — позвал Георгий.

Идти очень не хотелось, но не идти было нельзя.

– Как вы сыграли? — поинтересовался я, вставая.

– Я проиграл, — скромно сказал он.

– А остальные?

– Мирча проиграл, а Мира выиграла. Матч мы закончили ничью 2—2. Следующий обязательно нужно выиграть, — дал он мне установку.

На этот раз соперник мне попался не столь сильный. «Буду играть спокойно и ждать, пока он ошибётся», — решил я.

Довольно скоро я выиграл пешку, затем другую и перешёл в ладейный эндшпиль. Остальное, как говорится, было делом техники, но на каждый ход я тратил всё больше и больше времени. Противник играл плохо, но быстро. Когда у меня оставалось всего пять минут, я вдруг обнаружил, что не могу сообразить, в какую сторону идут мои пешки.

«Так можно и проиграть», — с ужасом подумал я, но предлагать ничью в выигранной позиции не хотелось.

Я опять взглянул на часы и увидел, что флажок уже начал подниматься. Я быстро сделал ход, переключил часы, протянул противнику руку и спросил:

– Ничья?

Он посмотрел на часы, потом на значок 1-го разряда на лацкане моего пиджака, подумал, сказал:

– Ладно, — и пожал руку.

Я вышел на улицу, сел на скамейку и задремал. Мне грезился бык с лицом моего противника и мулета в виде красного флажка на моих часах. Я вертел ею, дразня быка, он при-

ближался всё ближе, и я уже готов был нанести решающий удар, как вдруг обнаружил, что у меня нет шпаги, и тут же ощутил лёгкий толчок в плечо и услышал возмущённый голос Георгия:

– Ты почему предложил ничью в выигранной позиции?

– Я чуть по времени не проиграл.

– А почему так медленно играешь? — повысил он голос.

– Спать хочу, — честно признался я.

Георгий посмотрел на меня долгим взглядом, покачал головой и сурово промолвил:

– Эх, парень! Не готов ты ещё к большим шахматам!

В тройку призёров мы не попали.

Экзамен по английскому

— Ну, кто так учит иностранный язык в семидесятые годы двадцатого века! — воскликнул Серёга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.